

**Обращение М.С. Горбачева к участникам конференции, посвященной
30-летию встречи
руководителей СССР и США в Рейкьявике**

Прежде всего, хочу поблагодарить руководство Исландии за приглашение принять участие в конференции по случаю 30-летия встречи руководителей СССР и США в Рейкьявике.

Приветствую ветеранов политики и дипломатии, видных ученых, авторитетных экспертов, собравшихся в этот день в столице Исландии.

Вы собрались в очень ответственный момент. В такие моменты остро ощущается связь времен, прошлое ведет диалог с настоящим и будущим. Поэтому сегодняшняя дата – повод не только для воспоминаний об этом историческом событии, но и для серьезных размышлений о том, как действовать в нынешнее тревожное время.

Как и почему возникла идея Рейкьявика? Летом 1986 года я получил письмо президента Рейгана о ходе советско-американских переговоров по ядерному разоружению и проект ответа, подготовленный в нашем министерстве иностранных дел. Оба текста никак не могли меня удовлетворить.

Я еще раз убедился, что переговоры наших делегаций в Женеве идут рутинно, увязают в технических деталях, превращаются в ширму, за которой не происходит ничего существенного, более того – продолжается гонка ядерных вооружений.

А ведь всего несколько месяцев назад мы с президентом США на нашем первом саммите в Женеве заявили: Ядерная война недопустима, в ней не может быть победителя, наши страны не будут стремиться к военному превосходству.

Но за этой констатацией не последовали решительные шаги по прекращению гонки ядерных вооружений.

И общая ситуация вызывала большое беспокойство. Многим казалось, что отношения СССР и США возвращаются в колею холодной войны. В наших территориальных водах появились американские военные корабли. США провели испытание нового ядерного боезаряда большой мощности. Напряженность усугублялась недружественной риторикой, «шпионскими скандалами».

Тем временем Чернобыльская авария наглядно показала всем нам, что такое ядерная опасность. Я не раз говорил, что моя жизнь разделилась на две части – до Чернобыля и после него. В руководстве страны было полное

единство: необходимо остановить и обратить вспять гонку ядерных вооружений, вывести из застоя переговоры по ядерному разоружению.

Переговорам нужен был сильный импульс с самого высокого уровня. Такой импульс можно было дать только совместно. Необходима была встреча руководителей двух стран.

Я предложил президенту Рейгану встретиться где-нибудь на полпути от Москвы до Вашингтона, в Лондоне или Рейкьявике. Остановились на Рейкьявике. И практически сразу мы начали подготовительную работу, чтобы приехать на встречу с предложениями, способными открыть путь к прорыву. Именно такое задание было дано нашим экспертам. Политбюро единодушно поддержало этот подход.

После обсуждений мы вышли на определенную концепцию, закрепленную в директивах, с которыми я поехал в Рейкьявик.

Мы предложили четкую и ясную схему договоренности: сократить на 50 процентов все компоненты триады стратегических вооружений. В том числе мы готовы были пойти на 50-процентное сокращение тяжелых ракет наземного базирования, которые США с самого начала рассматривали как «наиболее дестабилизирующие». Мы были готовы пойти и на нулевой вариант по ракетам средней и меньшей дальности.

Но, само собой разумеется, прекращая гонку наступательных вооружений, мы исходили из того, что не должна начаться гонка вооружений в космосе, в области противоракетной обороны.

Не буду подробно рассказывать о том, как шли наши переговоры с президентом – их записи опубликованы.

Мне импонировало то, что президент Рейган в ходе наших обсуждений решительно и, я считаю, искренне говорил о необходимости избавления мира от оружия массового уничтожения, от всех видов ядерного оружия. В этом мы нашли общий язык.

Эксперты во главе с Ахромеевым и Нитце работали ночью и нашли немало точек соприкосновения на основе нашей конструктивной позиции.

Но зафиксировать договоренности по этим вопросам не удалось. Президент Рейган хотел не просто продолжать программу СОИ, но и получить наше одобрение на развертывание глобальной ПРО. На это я согласиться не мог.

Мы с президентом Рейганом расстались, прямо скажем, не в лучшем настроении. Об этом свидетельствуют фотографии, которые на следующий день были опубликованы на первых страницах мировой прессы. Но госсекретарь

Шульц все-таки поспешил, когда в аэропорту, перед отлетом назвал наш саммит «неудачей», «провалом».

Я знал об этой оценке, когда вошел в зал, где была назначена пресс-конференция. Глядя в глаза сотен журналистов, я сказал себе, что мы не имеем права разочаровать людей, лишить их надежды на прекращение гонки вооружений.

Ключевое значение в моем заявлении для прессы имела фраза: «При всем драматизме Рейкьявик – это не поражение. Это прорыв. Мы впервые заглянули за горизонт». Этой оценки я придерживаюсь и сегодня.

Именно благодаря рейкьявикскому прорыву начался процесс реального сокращения ядерного оружия. Достигнутые нами с президентами Рейганом и Бушем беспрецедентные договоренности по ядерным вооружениям стратегической и средней дальности, тактическому оружию позволили сократить и ликвидировать тысячи единиц ядерного оружия – более 80 процентов арсеналов холодной войны, о чем Россия и США доложили на Конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении.

В 2010 году президенты России и США подписали Новый договор СНВ.

Но приходится констатировать: процесс ядерного разоружения замедлился.

Нынешняя ситуация вызывает у меня беспокойство и тревогу. Приоткрытое в Рейкьявике «окно в безъядерный мир» на наших глазах захлопывается, задраивается.

Создаются новые виды ядерного оружия. Нарастают его качественные характеристики. Развертываются системы ПРО. Разрабатываются средства «быстрого неядерного удара», сравнимые по своей опасности с оружием массового уничтожения. Изменились к худшему военные доктрины ядерных держав, расширяющие «пределы допустимости» применения ядерного оружия. Во многом по этой причине возросла опасность распространения ядерного оружия.

Но хуже всего то, что в последние годы произошел коллапс доверия в отношениях между ведущими державами, которые, согласно Уставу ООН, несут главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, которые по-прежнему обладают огромными запасами ядерного оружия и обязаны его сокращать вплоть до его ликвидации. Это обязательство Договора о нераспространении никто не отменял.

Проблемы и конфликты последних двух десятилетий, которые вполне можно было урегулировать мирными, политическими, дипломатическими средствами, пытались решить путем применения силы. Так было и в бывшей Югославии, и в Ираке, и в Ливии, и в Сирии. Хочу подчеркнуть: это не привело к решению проблем. Результатом стало расшатывание международного права, подрыв доверия, милитаризация политики и мышления, культ силы.

В этих условиях говорить о движении к безъядерному миру становится все труднее. Это надо честно признать. Пока мировая политика не вернется в нормальную колею, пока не произойдет демилитаризация международных отношений, цель, совместно обозначенная в Рейкьявике, будет не приближаться, а отдаляться.

Я глубоко убежден: безъядерный мир – не утопия, а императивная необходимость. Об этой цели, об этом обязательстве мы должны постоянно напоминать мировым лидерам.

Пока существует ядерное оружие, остается опасность, что когда-нибудь оно будет применено. Или в результате случайности, технического сбоя, или по злой воле человека – безумца или террориста. Поэтому мы должны, обязаны подтвердить цель запрета ядерного оружия и его ликвидации.

Еще раз хочу подчеркнуть: эта цель может быть достигнута лишь при условии демилитаризации политики, демилитаризации международных отношений. Политики, которые считают, что проблемы и споры могут быть решены путем применения (пусть даже «в крайнем случае») военной силы, должны быть отвергнуты обществом, должны уйти с арены.

Я обращаюсь к вам, к ветеранам политики и дипломатии, к ученым, экспертам, к мировому гражданскому обществу. Пора поставить вопрос резко и однозначно: Запретить ядерное оружие! И более того: Запретить войну!

Среди всех принципов международного права во главу угла должны быть поставлены принципы неприменения силы в международных отношениях и мирного урегулирования споров.

Чтобы это стало реальностью, должны быть укреплены существующие механизмы – ООН, Международный Суд в Гааге, конвенции – и если необходимо, созданы новые.

Считаю, что на рассмотрение Международного Суда должен быть вынесен вопрос о запрещении ядерного оружия.

Ни одна из глобальных проблем человечества не может быть решена военным путем. Общие задачи – дальнейшее сокращение ядерного оружия, его нераспространение, борьба с терроризмом, предотвращение экологической катастрофы, преодоление бедности и отсталости – снова должны быть выдвинуты на первый план. Вот правильные приоритеты!

Необходимо возобновить диалог. Фактический отказ от него в последние два года был самой большой ошибкой. Давно уже пора возобновить его по всей повестке дня, не ограничиваясь обсуждением региональных проблем, по которым существуют разногласия.

Надо раз и навсегда понять: безопасный и стабильный мир невозможно построить по воле и по «проекту» одной страны или группы стран. Или мы общими усилиями построим мир для всех, или человечество ждет новые испытания и трагедии.

Я не хотел бы, чтобы мои слова звучали пессимистически. К нынешнему поколению лидеров ведущих государств можно предъявить серьезные претензии. Но у этого поколения по-прежнему остается шанс занять в истории достойное место, вернуть мировую политику в позитивное русло и тем самым – открыть дорогу к безъядерному миру.

Именно так мы – ветераны политики, гражданское общество, ученые, все неравнодушные люди – должны ставить сегодня вопрос, к этому призывать наших руководителей.

Желаю, чтобы ваша дискуссия была плодотворной, чтобы она способствовала тем сдвигам к лучшему, которые так нужны сейчас и которые, я уверен, возможны.

М.С. Горбачев